

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Институт славяноведения РАН

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Институт классического Востока и античности
Факультет гуманитарных наук

Авторский коллектив:

Т. А. АГАПКИНА
Е. В. ГУСАРОВА
М. М. КАСПИНА
Ш. К. КОЦИНЯН
А. К. ЛЯВДАНСКИЙ
М. МАЗИЛУ
А. С. НУРУЛЛИНА
Х. ПАССАЛИС
А. Л. РЫЧКОВ
Е. Б. СМАГИНА
Т. В. ТАДЕВОСЯН
Э. ТИМОТИН
А. Л. ТОПОРКОВ
О. В. ЧЕХА

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Институт славяноведения РАН

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Институт классического Востока и античности
Факультет гуманитарных наук

СИСИНИЕВА ЛЕГЕНДА

В ФОЛЬКЛОРНЫХ
И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИЯХ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, БАЛКАН
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МОСКВА «ИНДРИК» 2017

УДК 398
С 408

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-04-16158д

Ответственный редактор:
член-корреспондент РАН *А. Л. Топорков*

Редколлегия:
Т. А. Агапкина, А. К. Лявданский, А. Л. Рычков, Е. Б. Смагина

Рецензенты:
доктор филологических наук *В. Л. Кляус*
доктор филологических наук *И. А. Седакова*

**Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях
Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы /**
Отв. редактор *А. Л. Топорков*. — Изд. 2. — М.: Индрик, 2017. — 856 с., ил.

ISBN 978-5-91674-473-6

Коллективная монография посвящена так называемой Сисиниевой легенде — группе сюжетов о сакральном персонаже, противостоящем женскому демону, который причиняет вред роженицам и младенцам.

Исследование охватывает период от поздней античности до XX века. Легенда зафиксирована в арамейской, еврейской, коптской, эфиопской, арабской, сирийской, греко-византийской, новогреческой, армянской, южнославянской, румынской и восточнославянской устных и письменных традициях. Особое внимание уделено трансформации Сисиниевой легенды у восточных славян, у которых она превратилась в заговоры от лихорадки и получила отражение в фольклоре, рукописной традиции (в том числе в новгородских берестяных грамотах), древнерусской мелкой пластике и иконах XVII–XIX вв.

В монографии впервые публикуются в переводе тексты, представленные на арамейских магических чашах, эфиопских и еврейских амулетах, а также включенные в греческие, армянские, румынские и др. рукописи, в том числе ранее не издававшиеся. Авторы выявляют основные источники легенды, исследуют ее сюжетные версии в каждой традиции, состав мифонимов и иконографию.

Книга адресована филологам, историкам, культурологам, искусствоведам, религиоведам, изучающим устные и рукописные традиции Средневековья и Нового времени, а также всем, кто интересуется фольклором, мифологией, историей магии и эзотерики.

ISBN 978-5-91674-473-6

© Текст, Коллектив авторов, 2017
© Оформление, Издательство «Индрик», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	13
<i>(А.К. Лявданский, А.Л. Топорков, Москва)</i>	
Из истории исследования СЛ	16
Цели и задачи, методы исследования	25
Арамейская версия сюжета Сисиниевой легенды	29
<i>(А.К. Лявданский, Москва)</i>	
Вступление	29
Предварительные замечания	29
Из истории изучения	31
Антология	33
Источники	39
Краткая характеристика источников	39
Типы источников, конвой	43
История Смамит	48
Варианты и редакции	48
Мифологические персонажи	56
Итоги	61
«Завещание Соломона» и генезис сюжета Сисиниевой легенды ...	63
<i>(А.К. Лявданский, Москва)</i>	
Введение	63
История вопроса	63
Общие вопросы изучения и публикации текстов ЗС	63
Исследование эпизода с Обизуф в связи с историей СЛ	65
История текста	67
Рукописи и редакции	67
Происхождение и датировка ЗС	69
Предполагаемый историко-литературный контекст ЗС	69
Свидетельства о датировке ЗС	71
Гипотезы о происхождении ЗС	72
Рецепция ЗС в греческой и других традициях	75
Эпизод с Обизуф в контексте ЗС	76
Содержание и структура книги	76
Эпизод с Обизуф	78

6 ОГЛАВЛЕНИЕ

Перевод эпизода с Обизуф	80
Мотивы	82
Имя Обизуф (Абизуф)	84
Итоги	86

Еврейские заговоры и амулеты от Лилит и Сисиниева легенда 87 |

(М.М. Каспина, Москва)

Введение	87
История изучения	87
Источники СЛ в еврейской традиции	92
Типы сюжетов СЛ в еврейской традиции	98
Первый тип: «Три ангела и Лилит»	98
Второй тип: «Пророк Илья и Лилит»	107
Итоги	125
Антология	128

Святой Сисиний в коптской традиции 133 |

(Е.Б. Смагина, Москва)

Легенда о святом Сисинии и Верзиле в эфиопской традиции 141 |

(Е.В. Гусарова, Санкт-Петербург)

Вступление	141
Из истории изучения	143
Роль магии в жизни и культуре эфиопов	147
Источники текстов Сисиниевой легенды	150
Сюжетные типы и варианты Сисиниевой легенды	152
Сюжетный тип 1	154
Имена демонов	160
Роль имени в эфиопских магических текстах	160
Мифонимы	163
Иконография	166
Итоги	169
Антология	170
Список рукописей, содержащих СЛ, в собраниях Санкт-Петербурга	191

Арабские версии Сисиниевой легенды	193
<i>(А.К. Лявданский, Москва)</i>	
Сирийская версия Сисиниевой легенды	203
<i>(А.К. Лявданский, А.С. Нуруллина, Москва)</i>	
Вступление	203
Предварительные замечания	203
Из истории изучения	204
Антология	206
Источники	212
Краткая характеристика источников	212
Типы рукописей, конвой. География и датировка рукописей ..	219
Заклятие 'Авдишо' против демона Теб'а	221
Варианты	221
Мифологические персонажи	224
Предварительные замечания	224
Данные рукописей	225
Иконография	237
Итоги	238
Сисиниева молитва в византийской традиции	242
<i>(О.В. Чёха, Москва)</i>	
Введение	242
Из истории изучения	243
Источники Сисиниевой молитвы	247
Сюжетные и структурные типы Сисиниевой молитвы	253
«Сисиний/Мелетина-тип»	253
«Михаил-тип»	271
Имена демоницы	287
Индекс имен	293
Итоги	300
<i>Экскурс</i>	
Филактерий от Гилу из Евхология В.И. Григоровича и другие греческие рукописные филактерии из Крыма	305
<i>(А.Л. Рычков, Москва)</i>	

Сохранение и трансформация Сисиниевой молитвы в новогреческих заговорах	315
<i>(Х. Пассалис, Салоники)</i>	
Представления о Геллу в фольклорной традиции	315
Следы Сисиниевой молитвы в новогреческой заговорной традиции	318
«Сисиний/Мелетина-тип»	318
«Михаил-тип»	322
Армянские амулеты и заговоры против ала и тпхи и Сисиниева легенда	327
<i>(Т.В. Тадевосян, Ш.К. Коцинян, Ванадзор)</i>	
Введение	327
История изучения	329
Источники СЛ в армянской традиции	331
Армянские версии заговора о встрече святых с алом и тпхой	333
Алы и тпха	339
Имена демонов (алов и тпхи)	348
Антология	352
Сисиниева молитва у южных славян	373
<i>(Т.А. Агапкина, Москва)</i>	
Вступление	373
Предварительные замечания	373
Из истории изучения	376
Источники Сисиниевой молитвы	382
Краткая характеристика источников	382
Типы рукописей, конвой	393
Молитва святого Сисина против злого духа	398
Антология	398
Основные группы и разночтения	407
Состав мотивов и комментарии к ним	413
Молитва архангела Михаила против вештицы	429
Антология	429
Основные группы и разночтения	435
Состав эпизодов и комментарии к ним	437

Мифологические персонажи и их имена	444
Ономастикон Сисиниевой молитвы	444
Имя — функция — персонаж	453
Индекс мифонимов	463
Итоги	486
Сисиниева молитва в фольклорной традиции	495
Легенда о святом Сисинии в румынской традиции	507
<i>(М. Мазилу, Э. Тимотин, Бухарест)</i>	
Предварительные замечания	507
Святой-воин и дьявол, похищающий детей	508
Краткая редакция	509
Расширенная редакция	518
Румынская версия «Михаил-типа»	527
Самка в заклинаниях	542
Сисиний и лихорадка	545
Итоги	548
Список румынских рукописей	551
Сисиниева легенда и заговоры от лихорадки у восточных славян ...	553
<i>(А.Л. Топорков, Москва)</i>	
Обзор литературы	553
Типология заговоров от лихорадки у восточных славян	561
Жанровая принадлежность текстов СЛ у восточных славян	561
Пространная редакция с толкованиями 12 имен (редакция Ф.И. Буслаева)	562
Пространная редакция с 12 именами без толкований (редакция А. Фенютина)	566
Пространная редакция с перечнем 7 имен (редакция В. Панайотова)	567
Краткая редакция	572
Переходная редакция (редакция Н.Я. Новомбергского)	574
Чинопоследование от лихорадки	581
Ономастикон восточнославянских заговоров от лихорадки	582
Имена трясавиц в русских, украинских и белорусских заговорах от лихорадки	590

10 ОГЛАВЛЕНИЕ

Группы имен трясавиц	613
Параллели между именами в южнославянских молитвах от вештицы и восточнославянских заговорах от лихорадки	622
Происхождение восточнославянских заговоров от лихорадки	624
Молитвы от трясавицы в Синайском евхологии	624
Заклинания от трясавицы в средневековых источниках	627
Сисиниева молитва из берестяной грамоты № 930	632
Статья о Сисиниевой молитве от трясавиц в индексах ложных книг	635
Ангел Сихаил и святой Сисиний	646
Заговоры от лихорадки и русские иконы	653
Свидетельства о функционировании «кумошных» икон ...	660
Иконография и заговоры	667
Цветная иллюстрация к заговору	672
Итоги	678
Приложение. Сокращения, использованные в таблицах и в словаре имен лихорадок	685
Ангел, имеющий власть над лихорадкой, и Сисиниева молитва	689
<i>(А.Л. Рычков, Москва)</i>	
Историола святого Григория Богослова	689
Источники	690
Предисловие к публикации	693
Историола св. Григория Богослова: оригинальный текст и перевод	695
Обсуждение	700
Фрагменты ИСГ	705
Об именах ангелов в ИСГ	711
Заемствования апотропеической фигуры Сихаила из ИСГ в заговорную традицию	714
Филактерии, включающие компиляцию историол св. Григория Богослова, Сисиниевой молитвы и «Завещания Соломона»	717
Сихаил в Каппадокии	723
Сихаил в Новгороде	730
Европейская трансформация ИСГ	739
Итоги	743

Приложение

Сакральный персонаж Сисиниевой легенды: о предыстории имени и образа	751
<i>(А.Л. Рычков, Москва)</i>	
Дохристианские магические формулы и СЛ	756
Амулеты типа Соломон/Сисиний	758
Святой Сисиний на медальонах	760
Византийские медальоны со св. Сисинием и хронология становления СЛ	765
Заключение	771
<i>(А.Л. Топорков, Москва)</i>	
Распространение «Сисиний/Мелетина-типа»	771
Распространение «Михаил-типа»	775
Взаимодействие «Сисиний/Мелетина-типа» и «Михаил-типа»	778
Историческая динамика СЛ	780
Имя Сисиния	782
Тема магических имен в СЛ	785
О причинах долговечности и широкого распространения СЛ	789
Принятые сокращения	793
Об авторах этой книги	851

ВВЕДЕНИЕ

(А.К. Лявданский, А.Л. Топорков)

Мифологический сюжет о святом Сисинии, противостоящем женскому демону, известен в арабской, арамейской, армянской, болгарской, греко-византийской, грузинской, еврейской, коптской, новогреческой, румынской, русской, сербской, сирийской, украинской, эфиопской и некоторых других традициях. Сисиниева легенда (далее — СЛ) распространена на территории Восточной Европы, Балкан, Кавказа, Ближнего Востока, северо-восточной и восточной Африки. У восточных славян СЛ трансформировалась в заговоры от лихорадки, которые бытовали на территории Европейской части России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. СЛ фиксировалась на протяжении примерно полутора тысяч лет — с середины I тысячелетия нашей эры до конца XX в. Тексты СЛ весьма разнообразны в видовом и жанровом отношении: это заговоры, молитвы, заклинания, мифологические нарративы, религиозные легенды, агиографические повествования. Они исполнялись устно, их включали в различные кодексы, свитки, надписи на глиняных чашах, на металлических, пергаменных и бумажных амулетах и других материальных носителях.

Первые исследователи СЛ опирались главным образом на греко-византийскую, южнославянскую и румынскую традиции, для которых характерно сосуществование двух сюжетных типов СЛ. М. Гастер назвал один из них «типом Сысоа», по имени заместителя св. Сисиния в румынской версии СЛ, а другой — «типом Авештицы» по имени демоницы (Gaster 1900). Р. Гринфилд, исходя из греко-византийского материала, позднее определил эти редакции как «Михаил-тип» и «Сисиний/Мелетина-тип» (Greenfield 1989).

Сюжет «Михаил-типа» представлен в устных заговорах и в надписях на амулетах: «Один из наиболее распространенных текстов заговоров для роженицы (известный на многих языках народов Ближнего Востока и Восточной Европы и применяемый позже против дурного глаза и разных болезней) рассказывает, как некий святой (Илья, Михаил, Сисиний и др.) в дороге (часто — спускаясь с горы) встретил ведьму (часто — у моря) и спросил, куда она направляется. Услышав, что она идет в дом роженицы с целью навредить ей, он заставил ее назвать свои 9 (12, 40) имен и поклясться, что она не повредит младенцу, если увидит в доме все свои имена. Амулеты и заговоры для рожениц против Лилит должны были содержать не только имена трех ангелов (пытавшихся вернуть Лилит), но и имена самой Лилит...» (Папазян 1982: 55).

Согласно «Сисиний/Мелетина-типу», демоница похитила или убила детей Мелетины, ее брат Сисиний отправился за демоницей в погоню, поймал

ее и принудил вернуть детей живыми. Заканчивается всё тем, что демоница называет свои имена и обещает не трогать людей, которые произносят эти имена и/или имя Сисиния либо хранят дома записи с этими именами.

Таким образом, под условным наименованием «Сисиниева легенда» мы подразумеваем по меньшей мере два сюжета, которые включают общие ситуации, эпизоды и персонажей, однако могут при этом более или менее значительно отличаться друг от друга.

Само выражение «Сисиниева легенда» подходит главным образом для описания греко-византийского, южнославянского и румынского материала; в арамейской, еврейской, сирийской, арабской версиях имя Сисиния неизвестно, а в ряде других традиций оно встречается только спорадически.

Жанровая принадлежность СЛ имеет достаточно аморфный и неопределенный характер. Для большинства текстов СЛ характерно сочетание повествовательного (нарративного), молитвенного и заклинательного (магического) начал. В разных этноязыковых версиях и сюжетных типах эти начала представлены в разных пропорциях: тексты «Михаил-типа» могут сближаться с заговорами, а тексты «Сисиний/Мелетина-типа» иногда перерастают в житие святого.

М.И. Соколов называл тексты «Михаил-типа» молитвами», а «Сисиний/Мелетина-типа» — легендами: «С именем Сисиния в славянских, румынских и греческих текстах известны, во-первых, легенда об избавлении Сисинием сестры его Мелентии от беса, во-вторых, молитва Сисиния, прогоняющая многоименного беса, олицетворяющего разные болезни, преимущественно трясавицы, лихорадки» (Соколов 1888: 24).

А.Н. Веселовский, отчасти полемизируя с М. Гастером, писал: «Отношение молитвы св. Сисиния, нередко служащей в Румынии амулетом <...>, к легенде Гастер <...> понимает таким образом, что в сущности это — две самостоятельные статьи, из которых первая, т.е. молитва, повлияла на вторую. Я считаю более вероятным обратное развитие и молитву как бы сокращением легенды, удержавшим ее рамку и сосредоточившим внимание на ее развязке и на именах демона <...>» (Веселовский 1883: 89).

В настоящем исследовании используются оба названия — и «Сисиниева легенда», и «Сисиниева молитва» (далее — СМ). Выбор одного из них определяется контекстом и научной традиций. Не менее условными являются и обозначения двух сюжетных типов СЛ как «Михаил-типа» и «Сисиний/Мелетина-типа», которые мы употребляем вслед за Р. Гринфилдом.

В одних традициях известны оба сюжетных типа СЛ, а в других только один из них. Хотя два сюжетных типа сильно отличаются друг от друга, у них есть и нечто общее. В частности, в обоих персонажи заговора встречаются друг с другом и вступают в диалог. Тексты с такими эпизодами известны во многих традициях и обозначаются обычно как «заговоры встречи» (англ. Encounter-charms, нем. Begegnungssegen). Датский исследователь Фердинанд

Орт отмечал, что «заговоры встречи» имеют трехчастную композицию, включающую вводную часть, диалог и заключительную часть, а также общие аспекты содержания: описание встречи двух или нескольких персонажей и их взаимодействия, которое приводит к тому, что ситуация меняется в лучшую сторону. Ф. Орт выделял несколько разновидностей «заговоров встречи»; СЛ относится к той, в которой сакральный персонаж встречается с персонифицированной болезнью или злым духом, вступает с ними в диалог и после этого изгоняет (Ohrt 1935/1936: 1592–1593).

По замечанию Ф. Орта, схема «заговора встречи» характерна для таких евангельских сцен, в которых Иисус исцеляет прокаженного (Мф 8: 1–4) и расслабленного (Мф 8: 5–13), изгоняет бесов из одержимых (Мф 8: 28–34; 17: 14–18), возвращает зрение слепым (Мф 9: 27–31; 20: 29–34). Хотя имена здесь евангельские, ритуальные практики явно имеют дохристианское происхождение (Ohrt 1935/1936: 1598).

В двух сюжетных типах СЛ, известных в греко-византийской, южнославянской и румынской традициях, можно выделить семь общих моментов: 1) тексты СЛ имеют магическую направленность и представляют собой заговоры или неканонические молитвы, призванные защитить беременных женщин, рожениц и младенцев от сглаза и порчи; 2) в тексте фигурируют как минимум два персонажа — сакральный мужской и демонический женский; в принципе персонажей может быть и больше, однако их деление на две группы при этом сохраняется; 3) мужской персонаж иногда носит имя *Сисиний* и/или имена, сходные с ним по звучанию; если он выступает в группе из двух, трех и более персонажей, то некоторые из них также могут иметь имена, напоминающие имя Сисиния; 4) женский персонаж — демоница, которая причиняет вред матерям и новорожденным; 5) текст СЛ относится к структурному типу «заговора встречи», что предполагает встречу персонажей и их диалог. В «Михаил-типе» весь текст сводится к «заговору встречи», а в «Сисиний/Мелетина-типе» «заговор встречи» представляет собой лишь один из эпизодов, которым обычно завершается повествование; 6) сакральный персонаж выпытывает имя у демоницы, а та сообщает ему свое имя или целую серию имен; этот перечень имен может включать как прозрачные в смысловом отношении имена, так и мало понятные; 7) в заключение демоница клянется не входить в дома, в которых произносится или хранится в записанном виде заговор с ее именами и/или именами Сисиния и других святых.

Наличие этих семи параметров в том или ином тексте позволяет отнести его к СЛ, однако ни один из них по отдельности не является обязательным. В частности, во многих версиях СЛ отсутствует само имя Сисиния. Не всегда соблюдается противопоставление персонажей по полу и может варьироваться их количество. Диалог, как правило, состоит из трех реплик, однако в отдельных случаях их может быть и больше, и меньше.

Как мы уже отмечали, первые исследователи СЛ опирались главным образом на балканские материалы, в которых два сюжетных типа СЛ имеют очевидные точки пересечения. По мере того как расширялся сравнительный материал, становилось очевидным, что сюжетные типы СЛ могут значительно отличаться друг от друга. Одна из гипотез, обсуждаемых в настоящем издании, заключается в том, что два сюжетных типа СЛ имеют разное происхождение и сблизились друг с другом уже вторично и при этом — на ограниченной территории.

При изучении генезиса сюжетных типов СЛ мы стремились привлечь к рассмотрению все те традиции, в которых представлены разные версии СЛ. В частности, мы будем рассматривать эпизод с Обизуф из «Завещания Соломона», арамейские тексты об истории Смамит, еврейские о Лилит и трех ангелах, о Лилит и Илье-пророке, эфиопские о Сисинии и Верзилье, сирийские об Авдишо и Теб'а, о Симоне Кифе и Теб'а, греческие о святом Сисинии и Мелетине, об архангеле Михаиле и Гилу, армянские о Сисинии, але и тпха, южнославянские о Сисинии и Мелетине и об архангеле Михаиле и вештице, румынские о Сисое и Авестице, русские и украинские о 7 или 12 трясавицах (лихорадках).

Из истории исследования СЛ

На протяжении примерно 150 лет к СЛ обращались фольклористы, историки литературы и культуры, лингвисты и религиоведы. СЛ изучали в таких странах, как Англия, Болгария, Германия, Греция, Израиль, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Финляндия, Франция, США и др. Совокупная библиография публикаций о СЛ в настоящее время включает много сотен статей и могла бы стать предметом специального исследования.

Обзоры литературы, посвященной СЛ в арамейской, армянской, греко-византийской, восточнославянской, новогреческой, еврейской, коптской, румынской, сирийской, эфиопской, южнославянской традициях, приведены в начале соответствующих глав монографии.

Вероятно, прав был Х. Винклер, который писал, что первым к проблеме происхождения СЛ обратился румынско-британский ученый Мозес Гастер (Winkler 1931: 123). Один из разделов своих «Очерков по сравнительному исследованию легенд и сказаний» («Beiträge zur vergleichenden Sagen- und Märchenkunde») Гастер посвятил сюжету о Лилит и трех ангелах, встречающемуся в «Алфавите Бен Сиры», и параллелям к нему в других еврейских, а также в румынских и восточнославянских источниках (Gaster 1880). Автор обнаружил в еврейских текстах особый вариант сюжета, в котором утрачены имена трех ангелов¹. Этот вариант легенды

¹ Речь идет о сюжетном варианте «Пророк Илья и Лилит» («Михаил-тип»), который Гастер обнаружил в книге Д. Лиды «Сод ха-Шем».

Гастер считал более поздним, и именно для него он привел параллели из нееврейских источников. Это прежде всего два румынских текста, исследованием которых в целом тогда занимался Гастер, а также два русских — так наз. пространная редакция XVII в.² и выдержка из списка еретических книг XVII в., где упоминаются писания болгарского попа Иеремии. Сюжет СЛ, по мнению автора, — манихейского происхождения и был принесен в Европу с Ближнего Востока богомилами в X в.³ Наиболее ранняя фиксация сюжета СЛ имеется в «Алфавите Бен Сиры», который написан в Ираке или Иране и датируется не позднее VIII в., но истоки этого сюжета Гастер видел в более древнем «заговоре встречи», вошедшем в Вавилонский Талмуд⁴. Имя протагониста СЛ, по мнению Гастера, восходит к преемнику Мани Сисиннию (III в. н.э.).

Французский востоковед Рене Бассэ ввел в научный оборот эфиопский вариант СЛ. В своей публикации эфиопского жития св. Сисинния он обсуждал проблему происхождения сюжета этого жития и приводил параллели из румынских и восточнославянских (русских) источников (Basset 1894). Р. Бассэ был знаком с работами М. Гастера, но в его разборе параллелей есть нечто новое по сравнению с работами британского ученого. Во-первых, он указывал на вторичное по отношению к эфиопскому житию арабско-коптское синаксарное житие св. Сисиния⁵. Он также привел русский текст, не упоминавшийся Гастером, — статью о Сисиниевой молитве из «Погодинского номоканона»⁶. Наличие сюжета СЛ в эфиопских и арабско-коптских текстах, с одной стороны, и в славянских и румынских, с другой, привело автора к предположению о существовании гипотетического общего источника, который должен был быть, вероятнее всего, греческим. Женский демонический персонаж СЛ, по его мнению, восходит к древнегреческой Ламии. В остальном Р. Бассэ следовал за М. Гастером: к грекам этот сюжет, по-видимому, попал от манихеев при посредничестве богомилов (Basset 1894: 16).

В своей следующей работе, посвященной происхождению сюжета СЛ, Гастер значительно расширил источниковую базу и подошел к исследованию этой проблемы, вооружившись разработанной им самим методологией изуче-

² Со ссылкой на: Майков 1869.

³ В этой связи Гастер ссылался на А.Н. Веселовского и Б.П. Хашдеу, которые, как он отмечал, показали, что к богомилам восходит ряд апокрифических сказаний. Известно, что в этот период Гастер и Веселовский вели переписку (Веселовский 1883: 51).

⁴ Встреча демоницы Аграт, дочери Махалат, и рабби Ханины бен Доса (Песахим 112b). Подробнее об этом тексте см. в главе М.М. Каспиной «Еврейские заговоры и амулеты от Лилит и Сисиниева легенда».

⁵ Выдержка из этого жития приводится в главе Е.Б. Смагиной «Святой Сисиний в коптской традиции».

⁶ Р. Бассэ ссылается на французский перевод «Истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича.

ния заговоров⁷ (Gaster 1900). В начале статьи Гастер привел три записанных в Румынии заговора, один из которых являлся устной версией ранее известного рукописного заговора от Авештицы. Как отметил автор, у этого текста имелась более пространный версия, также известная по письменным источникам. Краткую версию он называл «типом Авештицы»⁸, а пространный — «типом Сысоа»⁹. Помимо приводившихся ранее параллелей Гастер включил греческие тексты («Сисиний/Мелетина-тип»), сирийский заговор св. Авдишо, а также эпизод с Обизуф из «Завещания Соломона» как наиболее древний текст, в котором имеется своеобразный вариант данного сюжета¹⁰. Гастер подчеркивал, что отправной точкой исследования был именно устный заговор от Авештицы, который, как показали приводимые им параллели, имел глубокие исторические корни и отразился в средневековых и поздне-античных письменных источниках. В отношении происхождения сюжета СЛ Гастер придерживался прежней манихейско-богомильской гипотезы.

Известный американский библеист и востоковед Джеймс Монтгомери в приложении к публикации арамейских заклинательных чаш из Ниппура опубликовал текст амулета от Лилит из архива профессора Р. Готхайла (Montgomery 1913: 258–264). Хотя предположение Дж. Монтгомери о древности текста амулета оказалось неверным¹¹, ему удалось увидеть в этом заговоре международный сюжет. В комментарии к амулету автор привел параллели по статье (Gaster 1900), а также указал на опубликованные уже после появления работы Гастера греческие тексты, относившиеся к «Михаил-типу»¹², тем самым впервые привлекая их для исследования сюжета СЛ. На основании анализа имен демоницы Дж. Монтгомери сделал вывод о том, что еврейский текст несомненно восходит к греческому прототипу.

Небольшая монография французского исследователя Поля Пердризе была посвящена проблеме истоков образа святого всадника, поражающего копьем демоницу, — образа, который встречается на некоторых амулетах эпохи поздней античности (Perdrizet 1922). В отдельных случаях на амулетах

⁷ Важнейшим принципом этой методологии является постулат о том, что классический заговор должен включать три главных элемента: 1) эпическое повествование, 2) символическое событие, 3) мистические имена.

⁸ Соответствует «Михаил-типу» по классификации Р. Гринфилда.

⁹ Соответствует «Сисиний/Мелетина-типу» по классификации Р. Гринфилда.

¹⁰ Эфиопское житие св. Сисиния, опубликованное Р. Бассэ, и его арабско-коптская версия не вошли в состав рассматриваемых источников. М. Гастер либо не был знаком с работой Р. Бассэ, либо не считал, что рассказ о Сисинии, убивающем собственную сестру-демоницу, имеет отношение к исследуемому им сюжету о «ведьме, похищающей детей».

¹¹ Текст опубликованного им амулета мало отличается от текста из книги «Сод ха-Шем», датируемой XVIII в. См. главу М.М. Каспиной «Еврейские заговоры и амулеты от Лилит и Сисиниева легенда».

¹² Речь идет о текстах, опубликованных в: Reitzenstein 1904; Pradel 1907.

сакральный персонаж идентифицируется как Соломон, а иногда как св. Сисиний. Эти греко-египетские изображения, по мнению ПердрIZE, пришли с Ближнего Востока. Анализируя коптскую фреску из Бавита¹³, автор пришел к выводу, что, судя по одежде Сисиния, это образ парфянского происхождения. ПердрIZE также возводил коптского Сисиния к манихейскому историческому персонажу — преемнику Мани. В качестве повествовательных параллелей он рассматривал разнообразные греческие тексты обоих сюжетных типов, а также арабо-христианский амулет для роженицы с упоминанием св. Сисиния¹⁴. Кроме того, ПердрIZE предлагал сравнение списков имен Гилу в нескольких греческих версиях СЛ и обсуждал этимологию некоторых имен демоницы. Вклад ПердрIZE в дискуссию о происхождении СЛ состоит прежде всего в том, что он привлек обширный изобразительный материал, который, в частности, был использован вскоре в работе Э. Петерсона.

Диссертация немецкого теолога Эрика Петерсона посвящена истории формулы «один бог» (Εἷς Θεός) на материале раннехристианской и современной ей языческой эпиграфики. Поскольку греческая формула «один бог» встречается на амулетах особого типа (с изображением святого на коне, поражающего копьём демоницу¹⁵), Петерсон посвятил часть дискуссии происхождению мифа, стоявшего, по его мнению, за этими изображениями. В частности, автор полемизировал с популярной в те годы идентификацией святого на коне исключительно с Соломоном. Петерсон обращался прежде всего к известным ему примерам «заговора встречи»¹⁶, в которых сакральный персонаж вступает в диалог с демоницей¹⁷. Автор пришел к важному выводу о том, что изображения святого на коне и демоницы связаны не только с легендами о Соломоне, но и в целом с «заговорами встречи», и отметил, что в этих заговорах нет параллелей к изображению святого на коне. Поскольку помимо Соломона на интересующих нас амулетах упоминался св. Сисиний, Петерсон обратился, во-первых, к иконографии этого святого, в которой он обнаружил параллели к обсуждаемым амулетам с конным святым¹⁸. Во-вторых, Петерсон сделал обзор

¹³ См. главу Е.Б. Смагиной «Святой Сисиний в коптской традиции».

¹⁴ Перевод этого текста см. в главе А.К. Лявданского «Арабские версии Сисиниевой легенды» (текст № 4).

¹⁵ Часть таких амулетов включает имя царя Соломона, иногда — св. Сисиния. В некоторых случаях имеется только изображение без какой-либо подписи.

¹⁶ Примечательно, что термин «заговор встречи» (буквально «экзорцизм встречи», Exorzismus von Begegnungstypus) использовался Э. Петерсоном до публикации Ф. Орта об этом типе заговоров (Ohrt 1935/1936).

¹⁷ Приводятся тексты двух арабоязычных заговоров от злого глаза в переводе на немецкий язык, а также византийский заговор «Михаил-типа» (DM в: Greenfield 1989), еврейский заговор «Пророк Илья и Лилит».

¹⁸ Автор обсуждает коптскую фреску из Бавита, изображение Сусэньуса и Верзили в эфиопских амулетах, а также подобное изображение (без упоминания имени Сисиния) в одном из заклинательных сборников на классическом сирийском языке.

релевантных повествований о св. Сисинии. Обзор источников СЛ у Петерсона включает: 1) эфиопское синаксарное житие (Basset 1894), 2) связанное с ним коптское житие (Amelinéau 1890), 3) эфиопский текст о Сисинии и Верзилье на амулете, где Верзилья — сестра Сисиния (Fries 1893), 4) греческий текст по Л. Алляцию, 5) славянские и румынские тексты (Gaster 1900). Обзор этих текстов привел автора к выводу, что мотив убийства святым своей собственной сестры-демоницы является наиболее древним и утрачен в более поздних балкано-славянских версиях. Пытаясь решить проблему происхождения этого мифа, Петерсон усмотрел параллель к нему в конфликте Адама и Лилит¹⁹. Изображение святого на коне, как полагал Петерсон, иранского происхождения. Истоки образа демонницы в СЛ автор также искал в иранской мифологии. Петерсон реконструировал гностический миф иранского происхождения, перенесенный, по-видимому, на еврейскую почву и послуживший основой сюжета СЛ: конфликт благого эона Адама со злым эоном Евой.

Возможно, важнейший вклад в исследование истории и происхождения СЛ внес немецкий исследователь Х. Винклер в своей книге «Соломон и Карина» (Winkler 1931). В фокусе этой работы — арабские заговоры с сюжетом СЛ, а также другие арабские тексты, которые можно отнести к типу «заговора встречи»²⁰. Отдельная глава в книге посвящена исламскому контексту этих заговоров, а именно демонологическим персонажам, имеющим отношение к арабским версиям СЛ. Затем автор привел параллели из немусульманских текстов: эфиопские, арабо-христианскую молитву св. Сисиния, сирийские, армянские²¹, еврейские, греческие, румынские, русские, южнославянские и немецкие²². Аналитический раздел включает подробный анализ отдельных мотивов и тем с параллелями из фольклорных текстов: 1) демонница — сестра святого, 2) демонница — мать, съедающая собственных детей, 3) демонница и рождение Христа, 4) иконографические мотивы, 5) герой легенды как всадник, 6) противник героя — женщина, 7) Соломон как повелитель демонов.

В работе Х. Винклера много интересных наблюдений, но здесь стоит уделить внимание разбору мотива «демонница — сестра святого». Прежде всего Винклер указал на то, что этот мотив отразился в коптском и эфиопском текстах синаксарного жития св. Сисиния. Ученый также отметил, что в некоторых греческих, румынских и славянских текстах демонница — не сестра святого, однако след этого мотива имеется в указании, что жертва нападе-

¹⁹ См. критическую оценку этого сопоставления в: Winkler 1931: 125.

²⁰ Помимо заговоров с рассказом о встрече сакрального персонажа с демонницей — убийцей детей Х. Винклер включает и аналогичные сюжеты с персонифицированным злым глазом.

²¹ По-видимому, Х. Винклер первым привлек для компаративного анализа сюжетов СЛ армянские тексты.

²² На западноевропейские параллели к сюжету СЛ обратил внимание Ф. Орт (Ohrt 1927).

ния демоницы — сестра св. Сисиния. В южнославянском заговоре от моря упоминается сестра Левантия (по-видимому, демоническая), в которой автор видит трансформацию имени *Мелентия* (вариант *Мелетины*).

Автор предполагал, что мотив убийства святым своей сестры-демоницы должен быть первоначальным, поскольку маловероятно, что такой не-тривиальный мотив проник в сюжет СЛ вторично. Напротив, в некоторых текстах (греческих и других балканских) мы видим, что наличие у святого сестры-демоницы казалось неприемлемым, поэтому сюжет трансформировался и сестра стала жертвой нападения демоницы. Для подтверждения предположения о том, что мотив убийства святым своей сестры-демоницы является изначальным для сюжета СЛ, Винклер привел фольклорные параллели. Они были взяты из сказок с аналогичным сюжетом у народов Восточной Европы, Кавказа и Африки²³ (царский сын убивает свою сестру-ведьму)²⁴.

Подводя итоги исследования, Винклер пришел к следующим выводам о происхождении и бытовании обсуждаемого сюжета. Исток легенды — в мифах о месопотамской Ламашту²⁵, угрожавшей женщинам и детям. С приходом христианства распространился образ святого, который, сидя на коне, поражает своих врагов, и возникла легенда о святом-всаднике, который уничтожает эту демоницу. У евреев появился альтернативный миф о том, как Соломон побеждает демоницу: пример бытования такого сюжета мы видим в «Завещании Соломона», где Соломон встречается с демоницей Обизуф²⁶. Затем эту легенду о Соломоне и женском демоне усвоили христиане, а от них и мусульмане²⁷. У христиан также возник особый вариант легенды — со св. Сисинием в роли сакрального персонажа, первоначально

²³ Приводятся сказки с данным сюжетом у разных народов: карачаевская, осетинская, украинская, аварская, греческие (4 варианта), берберская, балкано-тюркская, армянская (из Буковины), масайская. Примеры взяты Х. Винклером из: Köhler 1898.

²⁴ Этот мотив хорошо известен фольклористам-типологам: в указателе Ю.Е. Березкина это мотив L65A «Сестра-людоедка» (ATU 315A). См., например, «Ведьма и Солнцева сестра» (Афанасьев 1984: 110–112, № 93) — один из сюжетов, приведенный в качестве примера обсуждаемого мотива в книге Х. Винклера. Для истории СЛ немаловажно, что демонический персонаж сказок с данным мотивом у южных славян отождествляется с ламией, у греков — со стригой, а у арабов — с гуль (о возможной генетической связи греческой Гилу и арабской Гуль см.: Gaster 1954: 186–187; Fauth 1999: 412). Данные об этих отождествлениях взяты из электронной версии мотивного указателя Ю.Е. Березкина (http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/173_2.htm, дата обращения 31.10.2017).

²⁵ Автор называет этого персонажа Лабарту в соответствии с принятым в те годы в ассириологии наименованием данного демона.

²⁶ По мнению Х. Винклера, Обизуф — трансформированный образ месопотамской Ламашту.

²⁷ У евреев сюжет встречи Соломона и демоницы впоследствии отходит на второй план, поскольку в качестве сакральных персонажей выступают либо пророк Илия, либо Санви, Сансанви и Самангеллоф.

включавший мотив убийства сестры-демоницы. Еще один мотив, вошедший в сюжет христианской СЛ, — поедание матерью своих детей²⁸. Далее обе ветви легенды (христианская и мусульманская) развивались, инкорпорируя различных местных демонических персонажей: у арабоязычных христиан в СЛ вошла Бидух, у армян — Ал, у евреев — Лилит, у греков — Гилу, у южных славян — Мора, у русских — лихорадки. Исламский вариант легенды о Соломоне воспринял популярных у арабов женских демонов Умм ас-сибйан, Карину и Табиа.

Вклад израильских ученых Йосефа Наве и Шауля Шакеда состоит в том, что они впервые включили арамейские тексты поздней античности в дискуссию о происхождении СЛ (Naveh, Shaked 1998)²⁹. В комментарии к соответствующим текстам ими был дан обзор сюжетных параллелей из других традиций, но авторы не предлагали никаких гипотез относительно истоков данного сюжета.

Немецкий религиовед Вольфганг Фаут, чей подход можно назвать ономастическим, поставил своей задачей с помощью исследования имен персонажей СЛ и их истории проследить происхождение сюжета СЛ (Fauth 1999)³⁰. Итоговая гипотеза В. Фаута состояла в следующем. Место происхождения сюжета — юго-восточное Средиземноморье (Малая Азия — Палестина — Сирия — Египет). Определенная модификация этой легенды — о святом-всаднике, пронзающем копьем демоницу, — получила распространение в греко-византийской, эфиопской и коптской традициях. Трансформация Сисиния в нескольких персонажей в балканских вариантах СЛ ведет начало от взаимодействия с еврейской традицией в Палестине (три ангела, преследующие Лилит). На древнее сиро-ханаанейское происхождение прототипа христианского Сисиния указывает амулет из Арслан Таша I (VII–VI вв. до н.э.), в котором зооморфному демону Лилит противостоит сражающийся с демонами Сас(а)м.

Значительная литература посвящена образу женского демонического персонажа, который в целом, вероятно, имеет более универсальный характер, чем сюжет СЛ. Главная черта этой демоницы — ее свойство нападать на рожениц и новорожденных. Отсюда — разнообразные варианты ее наименования как в самих источниках («(мать-)душительница детей», «мать детей»), так и в научной литературе: *child-stealing witch* (Gaster 1900), *child-snatching demons* (Rybakova 2004), *child-killing demon* (Johnston 1995), *afflictress of childbirth* (Schwartz 2008), *Kindbettdämonin* (Winkler 1931). Поскольку этот тип демоницы является не столько врагом отдельно детей или отдельно ма-

²⁸ Как полагал Х. Винклер, этот мотив связан с образом греческого демона Ламии.

²⁹ Первое издание этой книги вышло в 1985 г.

³⁰ В одной из работ, опубликованных ранее, В. Фаут уже предпринял попытку сравнения списков имен демоницы в сирийских и еврейских версиях СЛ (Fauth 1996).

терей, сколько врагом фертильности как таковой, интересно предложение Сары Джонстон называть такой тип персонажа «репродуктивным демоном» (*reproductive demon*, Johnston 1994: 1997). Важно то, что данный персонаж распространен во времени и в пространстве шире, чем сюжет СЛ, и, по-видимому, имеет какие-то психологические (Hugwitz 2004) или социальные корни. Если ограничиться только свидетельствами из текстов древних эпох, то можно упомянуть следующих персонажей: в Месопотамии это Ламашту (Wiggermann 2000; Farber 2014), а также в более поздние эпохи — Лилит (Лявданский 2015), у древних хеттов — Вишуриянза (Gaster 1950/51), у древних иранцев — Аййехийа (Schwartz 2008), у древних греков — Ламия, Мормо, Гелло и Стрига (Johnston 1995; Rybakova 2004). Некоторые фольклорные тексты указывают на то, что обсуждаемый персонаж в ряде традиций связан с другим сюжетом, несколько напоминающим эфиопскую агиографическую версию «Сисиний/Мелетина-типа». Речь идет о сказках, включающих универсальный мотив «Сестра-людоедка» (ATU 315A; L65A по указателю Ю.Е. Березкина, см. Березкин 2013: 173), главный женский персонаж которых отождествляется информантами со Стригой, Ламией или Лилит³¹.

На протяжении XIX–XX вв. количество материалов, относящихся к СЛ, неуклонно возрастало. При этом начиная с 1980-х гг. увеличение информации по интересующей нас теме приобрело лавинообразный характер. Это обусловлено рядом факторов. Археологические раскопки в разных регионах Евразии и разыскания в музейных и архивных коллекциях привели к обнаружению множества новых текстов СЛ на разных носителях. Например, как уже упоминалось выше, в 1985 г. израильские ученые Й. Наве и Ш. Шакед впервые опубликовали арамейскую версию истории Смамит, прочитанную на заклинательных глиняных чашах из Вавилонии эпохи поздней античности (V–VIII вв. н.э.). В 2002 г. в Новгороде в слоях рубежа XIV–XV вв. была найдена берестяная грамота № 930, включающая фрагмент наиболее древнего текста русской СМ от трясавицы. В 2004 г. С. Джаннобиле обнаружил текст со свинцовой таблички VIII в. н.э., хранящейся в Кипрском археологическом музее Никосии, — текст, который представляет собой наиболее раннюю фиксацию СЛ на греческом языке.

В 2005 г. Е. Чернухин выпустил в свет сборник греческих молитв, заклинаний и заговоров, хранившийся в с. Большая Каракуба Донецкой области. Сборник включает подборку различных текстов СМ; публикация сопровождается русским переводом и обстоятельным научным комментарием (Чернухин 2005: 12–15).

В последние десятилетия появились новые ценные исследования, посвященные СЛ и смежным темам в разных традициях (Панайотов 2003; Попконстантинов 2004; 2005; Гиппиус 2005; Райан 2006: 352–360; Агапкина

³¹ См. примеч. 24, а также пересказ текста о Лилит в: Лявданский 2015.

2010: 534–565, 681–788; Велинова 2010; Spier 1993; Detelić 2001; Minczew 2003: 114–137; Ryan 2006; Badalanova Geller 2015; Elitzur-Leiman 2016; Björklund 2017; Kencis 2017 и др.).

Серия недавних научных разысканий направлена на поиски прототипов имени Сисиния в мифологиях народов древности и поздней античности. Активно изучаются амулеты I тысячелетия н.э., на которых представлены сцены с изображением всадника Сисиния, поражающего своим копьем демоницу. Обзор этой литературы и современного состояния вопроса представлен в главе «Сакральный персонаж Сисиниевой легенды: о предыстории имени и образа» (А.Л. Рычков).

Публикация каталогов крупных архивных собраний (например, собрания гемм Британского музея) сделала доступными тексты, хранящиеся в музеях и архивах в разных странах и на разных континентах, а появление фундаментальных библиографических справочников позволило с большей полнотой привлекать опубликованные ранее источники. В последние десятилетия с внедрением IT-технологий хранения и обработки данных появилась возможность систематизировать и анализировать большие корпуса текстов на разных языках. Многие известные письменные памятники, важные для изучения истории СЛ (например, «Завещание Соломона»), в настоящее время переизданы по более ранним и надежным рукописям, уточнена их датировка, переосмыслена текстологическая история.

Материалы, недавно введенные в научный оборот, не только увеличивают количественно доступную информацию, но и создают качественно новую ситуацию: найденные древние тексты позволяют углубить хронологию отдельных традиций и проследить их динамику на протяжении длительных периодов времени; благодаря обнаружению текстов переходного характера появляется возможность установить промежуточные звенья между разными этноязыковыми версиями и сюжетными типами СЛ. Общая картина существования СЛ в пространстве и времени приобретает гораздо более сложный, детализированный и мозаичный характер.

Немаловажно и то, что у участников проекта была возможность работать в библиотеках и архивах разных стран (в том числе в Армении, Великобритании, Греции, Израиле, Нидерландах, Румынии, Сербии, США, Украине). В архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Еревана, Бухареста и ряда других городов нам удалось обнаружить армянские, греческие, еврейские, румынские, русские, сирийские, эфиопские тексты, амулеты и магические свитки, которые впервые вводятся в научный оборот.

В результате эмпирическая база нашего исследования многократно превышает ту совокупность данных, которая была доступна нашим предшественникам. Новые материалы дают такие хронологические и географические ориентиры, которые позволяют воссоздать историю СЛ со значительной полнотой.

Цели и задачи, методы исследования

Цель настоящего исследования — проследить историю, географическое распространение и трансформации основных этноязыковых версий и сюжетных типов СЛ в разных культурах Евразии и Африки на протяжении не менее полутора тысяч лет (с V до XX в.).

Для достижения этой цели предполагается решить несколько задач:

1) реконструировать предысторию СЛ, проследить источники появления образа Сисиния и образа демоницы, преследующей беременных женщин, рожениц и новорожденных детей;

2) описать различные этноязыковые версии и сюжетные типы СЛ, их структуру и взаимные отношения, функционирование в разных жанрах фольклорной и рукописной традиций, ближайшее текстовое окружение (конвой);

3) проследить пути распространения СЛ в пространстве и времени, направления миграции текстов, их переводов, жанровых и сюжетных трансформаций;

4) проанализировать изобразительные версии СЛ;

5) исследовать именованность СЛ, установить сквозные имена, встречающиеся в разных традициях, выявить их внутреннюю форму и этимологию.

Одна из наших задач заключается в том, чтобы познакомить читателя с версиями СЛ, бытующими в разных культурах. Многие тексты публикуются в монографии впервые по рукописям, хранящимся в различных архивах и библиотеках, а многие иноязычные тексты впервые увидят свет в переводе на русский язык. В большинстве глав имеются антологии на языке оригинала с переводом на русский язык. Таким образом, наше издание можно рассматривать не только как научную монографию, но и как антологию текстов СЛ ряда традиций (арамейская, еврейская, греко-византийская, сирийская, эфиопская, арабская, армянская, новогреческая, южнославянская, румынская, русская).

Базисный характер для данной монографии имеет сочетание историко-географического, компаративного и структурно-функционального подходов.

Историко-географический подход предполагает изучение истории текстов в реальном пространстве и времени, географического распространения текстов с учетом расселения носителей соответствующих культур, их совместного проживания и контактов в процессе миграций, меняющегося социокультурного контекста (распространение религиозных верований и их влияние на различные области устной и книжной словесности, сокращение сферы функционирования фольклора после внедрения печатного станка, вытеснение магии из повседневной жизни общества в результате появления научной медицины и т.д.).

Компаративный подход предполагает сравнение двух и более культур с целью выявления их возможного генетического родства, историко-культурных взаимодействий и типологического сходства. Сравнение может быть

направлено как на установление сходств и различий между разными традициями в целом, так и на выявление соотношений между теми или иными текстами. В обоих случаях сравнение должно опираться на предварительно осуществленную систематизацию текстов с учетом их типологических характеристик, структуры, жанровой принадлежности, времени и места записи.

В рамках **структурно-функционального подхода** текст рассматривается как система взаимосвязанных элементов разного уровня (нарративная структура, сюжет, система персонажей, имена собственные и т.д.), а также в культурном и социальном контексте, как часть этнографической, фольклорной и/или рукописной традиции. Структура текста относительно независима от его вербального оформления и может сохраняться при переводе произведения на другой язык.

Тексты СЛ, функционирующие вне религиозного канона, в пограничной зоне между устной и книжной культурами, представляют собой открытые структуры, подверженные воздействию церковно-книжной и фольклорной традиций, способные воспринимать дополнительные эпизоды и мотивы. В процессе копирования и устного функционирования тексты подвергаются не только сокращениям и порче, но и творческой правке; возможна их контаминация с другими текстами, замена отдельных персонажей и т.д.

При описании определенной рукописной или устной традиции использовались **методы источниковедения**, предполагающие исчерпывающее привлечение всей совокупности источников на основе изучения научной литературы вопроса, библиографического и архивного поиска, стратификацию источников с точки зрения их сюжетной типологии, жанровой принадлежности, времени, места и социальной среды их создания и функционирования, оценку текстов по степени их сохранности и достоверности. В целях наиболее полной репрезентации материала в ряде глав приводятся описания всех известных в настоящее время рукописей, включающих тексты СЛ на том или ином языке.

При работе с книжными источниками используются **приемы текстологии**: установление редакций и вариантов, устойчивого конвоя, рассмотрение памятников с учетом их социокультурных функций и исторических трансформаций, хронологии рукописей и их географической привязки, палеографической и кодикологической характеристики, сведений о писцах и пользователях амулетов и магических свитков. При характеристике рукописей важно также учитывать место их обнаружения и хранения, группировку в той или иной коллекции, наличие владельческих записей, материальных следов магического использования.

Лингвистические методы позволяют обеспечить правильность перевода иноязычных текстов, откомментировать «темные места», выявить источники переводных текстов и направления языковых заимствований, установить этимологию, морфологическую структуру и внутреннюю форму

собственных имен. Наиболее ранние списки СЛ на греческом, сирийском и других языках довольно плохо сохранились и нуждаются в лингвистической реконструкции. Следует подчеркнуть, что основным объектом нашего исследования являются сюжеты СЛ, а не имена ее персонажей. В этом смысле лингвистические данные используются нами в ограниченной степени и главным образом с точки зрения того, что они могут дать для понимания динамики и трансформаций сюжета СЛ. Языковые аспекты СЛ требуют иного, более специального исследования.

При анализе магических и нарративных текстов применяются методы, разработанные в **фольклористике**: систематизация массовых данных устной традиции на основе ряда параметров (хронология и география записей, сюжетные типы и редакции), рассмотрение произведений устной словесности в контексте этнографической традиции, учет бытового и ритуального контекста, многообразия функций.

Религиоведческие аспекты учитываются при рассмотрении данных, связанных с теми или иными сакральными и демоническими персонажами (св. Сисиний, архангел Михаил, Лилит, Обизу, Гилу, Иродиада и т.д.).

Монография включает введение, 15 глав, один экскурс, заключение и список принятых сокращений. При этом 12 глав посвящены отдельным этноязыковым традициям СЛ, которые рассматриваются в следующей последовательности: арамейская, еврейская, коптская, эфиопская, арабская, сирийская, греко-византийская, новогреческая, армянская, южнославянская, румынская, восточнославянская. Порядок глав обусловлен системой взаимных связей и исторической преемственностью между текстами СЛ, существовавшими на разных языках и в разных географических зонах. Большинство глав выстроены по общему плану: сначала обзор библиографии и истории изучения СЛ в данной традиции, далее характеристика использованных источников и главы, посвященные сюжетным типам и редакциям, именованному и иконографии. Этот общий план в отдельных главах может уточняться, разрастаться или, наоборот, сокращаться, что обусловлено спецификой той или иной традиции, историей и современным состоянием ее изучения.

Три главы монографии выделяются тематически из общего ряда. В главе «Завещание Соломона» и генезис сюжета Сисиниевой легенды» (А.К. Лявданский) выявляется роль «Завещания Соломона» в истории СЛ. Глава «Ангел, имеющий власть над лихорадкой, и Сисиниева молитва» (А.Л. Рычков) посвящена образу ангела Сихаила, характерному для восточнославянской версии СЛ. В главе «Сакральный персонаж Сисиниевой легенды: о предыстории имени и образа» (А.Л. Рычков) дается обзор новейшей литературы об амулетах с изображениями Сисиния и гипотез о предыстории этого образа. Экскурс «Филактерий от Гилу из Евхология В.И. Григоровича и другие греческие рукописные филактерии из Крыма» (А.Л. Рычков) является дополнением к главе «Сисиниева молитва в византийской традиции» (О.В. Чёха).

* * *

В настоящее время трудно представить себе специалиста, который мог бы самостоятельно охватить всю историю СЛ во всех национальных версиях, во всех видах источников, жанровых и сюжетных модификациях. Для решения этой проблемы в рамках работы над проектом объединились специалисты по разным традициям. Наряду с российскими авторами в работе над коллективной монографией приняли участие ученые из Армении, Греции и Румынии.

При этом каждый из авторов изучал главным образом материал своей традиции, однако имел в виду и некий общий план. Точки зрения авторов отдельных глав не всегда совпадают друг с другом, что объясняется как особенностями профессионального опыта каждого из исследователей, так и спецификой доступного им материала. Учитывая сложность проблемы, мы не стремились к полной унификации концепций, итоговых выводов и даже принципов подачи материала. Общие задачи, которые мы ставили перед собой, в разных главах монографии удалось выполнить с разной степенью приближения к идеалу. В этом смысле предлагаемая монография не закрывает тему СЛ, а скорее подводит некоторые итоги и открывает новые перспективы в ее последующем изучении.

Исследовательская работа над проектом была поддержана грантом Российского гуманитарного научного фонда «Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Восточной Европы, Балкан и Ближнего Востока» (№ 13-04-00085, 2013–2015 гг.).